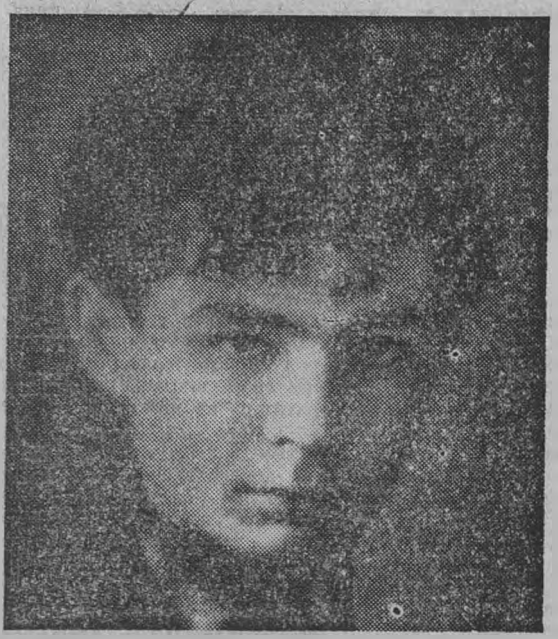

Саня — семнадцать. (Публикуется впервые.)

А мама все ждет и ждет своего сына...

В ЕГО КОМНАТЕ пахнет Ангарой, потому что дом стоит почти у самой воды и окно выходит как раз на реку. Саня любил этот напоистый и прозрачный ангарский холод, его всегда тянуло к воде: «Может, пройдемся по набережной?» Вот и тогда сказал: «Я, мама, съезжу на Байкал на недельку...» И ушел навсегда.

И светится теперь на кирпичной стене доска из белого мрамора: «В этом доме жил известный советский драматург, лауреат премии имени И. Уткина Александр Вампилов (1937—1972)» — сколько раз, мама, Анастасия Прокопьевна, вглядывалась в эти строки... В Саниной комнате она оставила все, как было при Сане: его стол, его лампу под зеленым абажуром, его книжный шкаф, его кровать... Кусочек сердолика — тоже «Саннин камень»... Правда, свои книги, что теснятся теперь в шкафу, изданные на разных языках, увидеть он не успел. И большинство театральных афиш, занявших в комнате всю стену, и тоже — на самых разных языках, появилось уже потом...

КАК ЖЕ порой непросто поздно, просто непозабываемо поздно догадываемся мы сказать о человеке доброе слово...

В мае семидесятого прилетел я по заданию одного журнала в Иркутск: требовался проблемный очерк, подвизанный судьбами выпускников местного университета. И вот, когда стал искать героев будущего очерка, среди прочих имен впервые услышал: Валентин Распутин, Александр Вампилов. Да, тогда, весной семидесятого, ни тот, ни другой на берегах Невы, в отличие от берегов Ангары, известные еще не были, хотя Вампилов, например, к тому сроку уже успел написать, пожалуй, все свои пьесы. Тут же иркутские дали мне прочесть первую повесть Распутина «Деньги для Марии», в тот же вечер в областном драматическом театре удалось увидеть вампиловского «Старшего сына», а назавтра — встретиться с Валентином и Саней.

Мы сидели в старом доме на улице Пятой армии, где издавна собираются иркутские литераторы, друзья рассказывали о житье-бытье, а я торопливо

записывал, боясь пропустить их какие-то очень своеобразные слова и обороты...

Листаю сейчас старый блокнот и снова как бы слышу негромкий голос Вампилова: «Драматургия — наиболее совершенная форма выражения действительности. Краски плюс слово плюс ожившая скульптура. Старик Лессинг был того же мнения... А с точки зрения требования к автору — это самое беспощадное искусство: все на виду, никого не обманешь...» В другом месте: «Разделяю гоголевский взгляд на театр, драматургию, жизнь. Удивительно, что на Западе Гоголь не имеет такого успеха, как Толстой и Достоевский. Запад его еще не понял...». Или такое вот признание: «Когда сочиняю, стараюсь не только что-то высказать другим, но и в чем-то разобораться с самим собой. Если мне все ясно, если сам не взволнован, то и зритель волноваться не будет. В каждой пьесе прежде всего ищу ответы на собственные вопросы...».

Закончив интервью, я вывел друзей на улицу, под тополя, где они терпеливо ждали, пока отщелкну своим «Зорким» всю пленку. Потом, в редакции журнала, именно эта глава, увы, вылетела из очерка по причине недостатка места, и именно эти фотонадрывы, по совсем уж фатальному стечению обстоятельств, пропали там же неизвестно куда... Впрочем, моим коллегам издалось, что зря я так бурно переживаю: ну, подумаешь, еще один молодой прозаик, еще очередной молодой драматург... Такое ли уж событие? Через год оба эти имени знали все. Через два — Вампилова не стало.

ЖИЗНЬ Анастасии Прокопьевны выпала негладкая, судьба ее не ласкала: совсем еще молодой осталась с четырьмя детьми на руках без мужа, потом в шестнадцать лет от порока сердца умер Володя, и вот Саня... Младшего сына они с Валентином Никитичем назвали в честь Пушкина: Саня родился как раз в год, когда торжественно отмечался юбилей поэта. Тогда же вышло полное собрание сочинений Александра Сергеевича, и отец на радостях приобрел эти светло-коричневые томики — «для Са-

ни». Просто непостижимо, как смог он столь снайперски предугадать вкусы и интересы своего малыша: пройдет время, и эти шесть томов станут для сына самыми необходимыми. А еще на Саниной полке из поэтов в большом почете были Лермонтов, Есенин. Потом к ним добавится Николай Рубцов...

Старинное сибирское село Кутулик — деревянное, пыльное, с огородами, со стадом частных коров, с церковью, переоборудованной в кинотеатр, но — с гостиницей и стадионом... «Кутулик от деревни отстал и к городу не пристал, — напишет однажды Саня, вспоминая детские годы. — Словом, райцентр с головами до пят...». Они жили в длинном, барачного типа доме, сложенном из листоватых бревен и обшитом тесовыми досками. Дом стоял напротив школы и назывался «учительским», потому что здесь квартировали только учителя.

Вот и Анастасия Прокопьевна преподавала математику, работала завучем — двадцать два года отдала этой школе. Саня, когда пошел в первый класс, сначала надеялся скрыть от друзей, что мама — завуч. Став старше, больше всего боялся какого-нибудь особого отношения к «сыну учительницы», но «особого отношения» и не требовалось, потому что учился он ровно. Анастасия Прокопьевна задумчиво улыбается:

— Любил геометрию, особенно — стереометрию, объяснял эту свою привязанность: «Тут фантазия требуется...». А вот алгебру — не очень. Однажды признался: «Алгебру, мама, я только из уважения к тебе учу...».

И бабушка у Сани в прошлом тоже была учительницей, образование имела не только педагогическое, но и музыкальное. Однако к тому времени года ее были уже преклонны, и в школе Александра Африкановна, естественно, не работала. Зато уж сказок разным своему младшему внуку успела поведать великое множество. Со сказок-то все и началось... И музыка тоже рано вошла в его жизнь — старинными бабушкиными песнями. Освоить мандолину Саня помогали другие, с гитарой разобрался сам, даже организовал в школе оркестр

В память о нем... Фото автора

народных инструментов. Позже играл на домре, на пианино — слух у него был отменный... И вспоминает теперь мама, как тихо и печально пел сын: «Гори, гори, моя звезда...», как мог без конца слушать «Героическую симфонию», «Крейцерову сонату», «Эгмонта» — Бетховен вообще был его страстью, как любил оперу, как, наконец-то оказавшись в Москве, в первый же вечер прорвался в Большой на «Князя Игоря»... Он и в драмкружке себя попробовал (в «Молодой гвардии», например, играл Сергея Тюленева), и рисовал хорошо — бессменный член редколлегии школьной стенгазеты. Особенно получались у Сани шаржи, карикатуры. (Эта страсть не оставила его и потом. Когда-то в иркутском Доме писателя Вампилов выпустил первый номер сатирической стенгазеты, название которой тоже сам придумал — «Грубиян», «Грубиян» выходит до сих пор, только 8 Марта название меняется — «Грубияночка»). Школьные сочинения Вампилова отличались от других тем, что из учебника Саня не списывал. О каких бы «образах» ни шла речь, в его листах всегда было «свое» — свои впечатления, свои мысли, своя боль...

И еще был тогда в его жизни футбол. Играли часами, до полного изнеможения, до темноты — на горбатым пустыре с одними лишь футбольными воротами, границы других ворот обозначали портфелями. Соперник постоянный — команда шахтерского поселка Забитый. А однажды доблестная кутуликская команда отправилась добывать себе спортивную славу в Зиму, за девятью километрами. Ехали, естественно, без билета, и всю дорогу, до самой Зимы, Саня и его друзья вместо разминки бегали от контролеров по вагонам и даже по крышам вагонов...

Любил речку Белую, что протекла совсем неподалеку, — с Юрием Мишеновым, Пашой Шагаловым и другими друзьями-приятелями часто устраивал походы на лодках. Любил собак — всегда у него кто-то был: то Бой, то Буска, то Пират... Когда Пират пропал, Саня три дня бродил по лесу, вслепую: вдруг отзовется? В лесу он чувствовал себя как дома и постоянно таскал тулду окрестную малышкой — за клубничкой, груздями, маслятами... Уже учился в Иркутске, а малышки в Кутулик все давали Анастасии Прокопьевне прощала: «Когда Саня придет?» Приезжал, собирал их мигом — и в лес. Рассказывал про университет, что стоит на берегу Ангары, про свой филфак...

На филфаке, в самой его атмосфере, присутствовало нечто такое, отчего обычные люди вдруг становились немножко поэтами. На их курсе писали почти все, а Вампилов даже выпустил книжечку юмо-

ристических рассказов «Стечение обстоятельств» под псевдонимом — «А. Санин». Рассказ, давший название книжке, начинался так: «Случай, пустяк, стечение обстоятельств иногда становятся самыми драматическими моментами в жизни человека...». Как заметил его друг, писатель Вячеслав Шугаев: «эту мысль Саня в той или иной мере разовьет в своих пьесах и в полной мере подтвердит своей гибелью...».

Рассматриваю его студенческие фотографии. Самые разные кадры: в аудитории, на Ангаре, на первомайской демонстрации... А этот забавный снимок сделан «на картошке»: три друга верхом на колхозных конях. Борис Леонтьев — в центре, справа — Игорь Петров с косой, слева — Саня с вилами. В общем, точная копия васнецовских «богатырей»...

ПИСАЛ обычно ночью. Заварит, бывало, кофейку покрепче, и потом до самого рассвета не тухнет над его столом лампа... Утром иногда читал вслух, что получилось, — мама только задумчиво головой качала...

После университета работал в местной молодежной газете, но однажды вдруг сказал Анастасии Прокопьевне:

— Я, мама, из газеты ухожу. Газета — дело суетное, а я хочу пьесы писать.

— Что ты, Саня? Это же, наверное, ужасно трудно...

— Попробую.

Потом, когда его пьесы пошли по театрам, как-то напомнил ей с улыбкой:

— Вот видишь, мама. А ведь ты в меня не верила... И подарил ей книжечку со «Старшим сыном», сопроводив короткой надписью: «Дорогой маме от младшего сына».

На столе деревянная фигурка юнца — это Саня поднесла в Клайпедском драматическом театре на память о самой первой премьере: да, впервые его пьесу «Прощание в июне» решили поставить именно там, вдали от родной Сибири. Вскоре благодаря ермоловцам узнала Вампилова и Москва. А у нас, в Ленинграде, раньше друзей и его драматургии обратились в Театре на Литейном, но случилось это позже. В тот же год Саня познакомился с БДТ. Он очень гордился этой дружбой, на премьеру «Провинциальных аферистов» приехал вместе с Ольгой, женой. Вернувшись, рассказывал:

— Спектакль приняли хорошо. Двоемные, отразились мы с Ольгой на вокзал, сели в вагон, вдруг смотели в окно — Госорг! Александрович и все-все артисты! Представляешь, мама, пришли проводить!...

А вот это признание Товстоногова услышать Саня, к сожалению, уже не довелось: «Пьеса Вампилова «Прошлым летом в Чулимске», по моему убеждению, — почти совершенство. Когда над ней работал, мне казалось, что там нельзя убрать даже запятой. Я относился к ней так, как, скажем, к пьесе Чехова или Горького. И пусть это не покажется преувеличением...».

Нет, это не кажется преувеличением, потому что зритель в разных уголках земли талант Вампилова сумел оценить по достоинству. Один критик очень точно заметил о Сане: «У него было чувство нюха на современный язык». Кроме того, мне думается, особенность его таланта состояла из двух категорий: из глубокой социальности и из умения быть очень точным камероном своего времени. Вот почему в самых разных городах, в самых разных театрах, при самом разном прочтении одних и тех же его пьес зрительская реакция остается одинаковой...

И еще одна цитата, принадлежащая Валентину Распутину: «Какжется, главный вопрос, который постоянно задает Вампилов: останешься

ли ты, человек, человеком? Сумеешь ли ты превозмочь все то лживое и недоброе, что уготовано тебе во многих житейских испытаниях, где трудно стали различия даже и противоположности — любовь и измена, страсть и равнодушие, искренность и фальшь, благо и порабощение...».

А НАСТАСИЯ Прокопьевна задумчиво произносит:

— Однажды на одном вечере, посвященном Сане, кто-то из выступающих странную мысль высказал: мол, из тайги вышел и стал писателем... Слышать такое, поверьте, нам всем — и Мише, и Гале, и мне неприятно... На самом же деле окружение у Сани, как, впрочем, и у всех моих детей, с младенческих лет было достаточно интеллигентным. Вот мой брат, например, Копылов Иннокентий Прокопьевич, очень любил племянника. Доцент сельскохозяйственного, известный охотовед, он и книгами разными его буквально заваливал, и на охоту с собой таскал...

А охотником, между прочим, Саня стал удачливым. Как вспоминает тот же Шугаев: «Ты целый день пробегашь, даже вершения недровни не услышишь — пустая тайга, а вернешься к табору, Саня уже сидит, покуривает, и два-три рябчика лежат у ног...». Однажды заболела дочка, а Саня как раз из тайги вернулся. Покупил ее рябчиком — ртутный столбик в термометре вниз пошел. Саня бурно радовался: «Моллюди. Леночка! От моего рябчика сразу поправилась!».

Рыба тоже чуть ли не сама шла ему в руки, даже сестра в Байкале ловила... Он и Леночку брал на рыбалку. И пришло, и животный пытался пообщаться дочку, когда та была еще почти грудной. Вдруг хватает ее на руки — и за дверь: «Идем смотреть живого коня!». Часто спускался с дочкой к Ангаре, и она лепетала, как отец, сбросив новобойку и брюки, с разбегу бросался в ствол, сбрасывая волны. Плавал Саня лихо. Однажды с друзьями натаялся на моторной лодке по Байкалу. Моторист и берег, чтобы перекусить. Разварили еду, глядя — лодка далеко. Видно, плохо потянули. Хозяин лодки спастись ее струсил, а Саня, не раздумывая, — вдогонку.

И ВОТ ситуация почти повторилась. На этой же самой чертовой посудине налетели на топляк, — мотор пробило, лодка перевернулась. Хозяин уцепился, стал звать на помощь, а Саня решил эту помощь сам с берега привезти. Он почти достиг цели, но очень устал, вода в августовском Байкале была студеная, и сердце не выдержало... Через два дня ему бы исполнилось тридцать пять лет...

Все на свете до поры, до срока, и никто не знает, где тот срок. Расплескался широко-широко Ангары стремительный исток. И уходит август перезревший, Как природа-мать ни берегла, Он сгорел, теплом своим согрешив Эти золотые берега...

Оркестра на похоронах не было, потому что Санины друзья помнили печальную усмешку, с которой он написал Сарафанова, музыканта из «Старшего сына», играющего на похоронах...

Оле не хватило сил оставаться в этом городе, в этом доме, и она уехала с Леночкой в Братск. И вот живет теперь здесь старая мама — с дочкой, с внуками — и все равно упрямо ждет и ждет своего Саню, который, кажется ей, однажды — черно-кудрявый, с азиатским разлетом бровей — вдруг снова ябечит в эту комнату, где так студено, так остро пахнет Ангарой...

Л. СИДОРОВСКИЙ,
спец. корр. «Смены»
Иркутск—Ленинград